

Московское телевидение 21 июня 1992 г.

Ведущий: Жители Москвы беспокоятся, что вас, господин префект, автора реконструкции Центра Москвы, просто могут куда-то перевести. Например, послом в Йемен.

Префект (испуганно): Только не в Йемен!

Ведущий: Ну, пусть в Париж.

Префект: Это другое дело!

1986 ГОД. НАКАНУНЕ

17 июня, вторник

Пятый день нахожусь в Москве. Это обычная по моей должности второго секретаря ЦК КП Туркменистана, депутата Верховного Совета СССР, командировка. Как всегда, время в Москве забито делами до предела. Уже в день прибытия самолётом из Ашхабада, не заезжая в московскую квартиру, я отправился в ЦК КПСС и пробыл там до 9 вечера. С сотрудниками аппарата ЦК, курирующими Туркмению, и в отраслевых отделах обсуждал положение дел в экономике республики, её проблемы. Информировал о нашей работе по Афганистану.

Во второй день пребывания в Москве был на заседании Комиссии Верховного Совета СССР. Когда распределяли обязанности между членами этой комиссии, мне поручили составить заключение по Проекту плана развития Грузии, подготовленному Госпланом СССР. Но через пару часов обнаружилось, что заболел депутат, которому хотели поручить заключение по госплановскому проекту плана развития Молдавии. И мне дополнительно дали готовить заключение по проекту для Молдавии.

Подготовку своего заключения по проектам планов я вёл с руководителями Грузии и Молдавии. У них было немало претензий к Госплану СССР, союзным министерствам, и мне надо было находить компромиссные решения, быть, по существу, арбитром. На заседании комиссии много спорили, были жёсткие вопросы министрам, госплановцам, порой не успевавшим утирать пот со лба... В конце концов проекты одобрили, но со многими замечаниями, которые надо будет учесть на предстоящем Пленуме ЦК КПСС и в Верховном Совете СССР.

В субботу – заседание постоянной комиссии Совета Союза по строительству, членом которой я являюсь.

Два дня был занят заседаниями комиссии, подготовкой проектов к сессии Верховного Совета. Все проекты довольно трудно согласовывались с министерствами. Зам. председателя комиссии, инженер-строитель А. Г. Коркин, сам уже поработавший несколько лет министром строительства республики, ведёт заседания деловито, точно как планёрку на прорабском участке.

И ещё: Коркин решительно пресекает попытки депутатов лоббировать местнические интересы в ущерб общесоюзным. А вообще с Коркиным легко работать. Внешне подтянутый, сухощаво-строгий, с выправкой кадрового военного, он любит юмор, что в сочетании с хорошим знанием дела даёт возможность избегать лишних дебатов. Решения комиссии достаточно деловиты, без словесных завитушек.

В воскресенье, с утра и до позднего вечера, вместе с другими руководителями республики и областей страны изучал новые технологии и технику в сфере производства товаров народного потребления. В специально подготовленных павильонах на ВДНХ пояснения давали министры,

руководители крупных предприятий, научных и проектных институтов, авторы разработок. Весь день с нами была А. П. Бирюкова¹, поскольку семинар проводился по решению ЦК КПСС.

Удивительно увлечённо вели себя рассказчики, забывая об этикете, своей одежде. Засучивая рукава, они лезли в машины, станки и прочие устройства. С упоением нажимали на кнопки, рычаги, горделиво показывали создававшиеся на наших глазах изделия – женские сапожки и прочее. Вопросов мы задавали много, особенно по экономической выгоде от предлагаемых новинок. Ответы были откровенными, с перечнем слабых сторон производства. Почти все участники семинара – руководители республик и областей – имели инженерную или экономическую квалификацию, а то и учёную степень. А представители отраслевых министерств, которые нам всё показывали, очень заинтересованы в поддержке со стороны местных властей... Полезный был семинар. И интересный.

В одном из залов мы подошли к огромной чаше из прозрачного стекла, до краёв заполненной водой. В воде горой лежали сотни ручных часов различных марок, размеров. Кто-то сказал: «Показуха!» Министр электронной промышленности молча снял пиджак, засучил рукав рубашки, сунул руку по локоть в воду и извлёк из чаши горсть мокрых часов: «Проверяйте, это с конвейера». Все часы шли – и шли точно.

В понедельник до позднего вечера был на Пленуме ЦК КПСС. С докладом выступил Горбачёв. Речь шла о проекте плана развития на пятилетие. Некоторые тезисы доклада: «Многие, понимая, что перестройка необходима, не знают, как практически это сделать. Им надо помогать». «...Позитивные сдвиги есть... Закрепить достигнутые темпы роста и идти дальше... Очень болезненно идёт перераспределение функций... [аппаратчики] не хотят уступать своих прав...» Если у первых секретарей партийных комитетов нет «должного настроения», то они «не на месте». «Невозможно всё решать из Центра»...

Далее Горбачёв дал оценку проекта плана пятилетки. Сказал, что положение улучшается, но пока взяты только резервы, лежащие на поверхности. Напомнил о том, что ещё в 60-е годы страна достигла объёма производства, составляющего до 70 % объёмов в США, но затем движение замедлилось. Докладчик перечислил наши неразумные затраты в различных отраслях производства, назвал множество цифр, отражающих неэффективность нашей работы. «Или мы пройдем столетний путь за 10 лет, или отстанем...» В 30-е годы наша страна уже проходила столетний путь. Здесь Горбачёв процитировал Сталина, не упомянув его имени: «Капиталисты идут напролом, не считаясь с жертвами, чтобы быть на вершине НТП. Мы не можем действовать такими методами».

Горбачёв подробно перечислил наши, социалистические методы, которые мы должны применять, чтобы достичь успеха в состязании с Западом. Новизны в его перечислениях я не заметил. Это уже было в нашей прессе. «Министерства доложили, что 80 % проектов новых предприятий – на современном уровне. Но это – обман». «В центре внимания должно быть машиностроение».

«В сельском хозяйстве идут позитивные перемены, но не везде и недостаточно». «По бригадному подряду и хозяйству: хватит вести разведку – воздушную, наземную, боем и т. д., как у тов. Ахромеева. Пора наступать всеми силами». Все инструкции надо пересмотреть. О роли министерств: делят материалы, запчасти, деньги и этим держат власть, наслаждаясь ею. А они созданы для осуществления технической политики. Райкомы тоже вмешиваются в мелкие дела. Во внешней торговле надо смелее переходить от топливно-сырьевой торговли к нормальному обмену машиностроительной и другой продукцией. Нужны кардинальные меры. Говорил генсек и о прессе. «Во многих местных газетах степень гласности меньше, чем в центральных». Этот тезис мне показался сомнительным...

Доклад продолжался более двух с половиной часов. Для выступления в прениях записались 27 человек, выступили 19. Первыми, по традиции, выступили руководители России, Украины, Москвы – Воротников, Щербицкий, Ельцин. Их выступления созвучны докладу, хотя имеют и существенные отличия.

¹ Секретарь ЦК КПСС, ведающая товарами народного потребления, лёгкой промышленностью и другими вопросами.

После пленума меня пригласили к Капитонову. Он сказал, что Секретариат ЦК решил направить меня послом в арабскую страну. Но я сразу отказался. Просил убрать меня из номенклатуры ЦК. Как инженер, я найду себе работу. Капитонов не стал меня убеждать, сказал, что надо ещё поговорить с Лигачёвым. Но тот был занят, и я пошёл по знакомому Орготделу.

Встретил Дыбенко, рассказал ему о своей судьбе. Оказывается, Дыбенко (второй секретарь ЦК КП Литвы), как и все другие «вторые» 15-ти республик, подлежит замене. Он, как и я, просил отпустить его на «вольные хлеба», но его довели до Политбюро и он дал согласие (в Мозамбик). Н.К., с которым у меня дружба ещё из Сибири, сказал, что мне тоже придётся давать согласие и нет смысла доводить дело до Политбюро. Пустая трата времени. Но когда Капитонов привёл меня к Лигачёву, я всё же повторил свой отказ. Е.К. положил руку на телефон и сказал, что придётся пойти к Горбачёву, поскольку завтра Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, где мне придётся быть. Понял я, что правильно советовал мне Дыбенко – согласиться с решением высшего руководства страны. И сказал Лигачёву, что не надо звонить генсеку, даю согласие.

Решение было принято, и последующие беседы были у меня в МИД СССР.

14 июля, понедельник

Каковы работники аппарата ЦК КПСС, т. е. «партаппаратчики», как их стали насмешливо называть недруги партии? Сегодня я побывал, уже не в первый раз, у одного из них – С. В. Червоненко. Ему – за 70. Начал работать экономистом, поднялся до секретаря ЦК КП Украины. Почти всю Отечественную войну – на фронте. Пять Орденов Ленина, другие награды! И более двух десятков лет – посол Советского Союза в Китае, Чехословакии, Франции. А теперь – заведует Отделом ЦК по работе с заграничными кадрами.

С.В. принял меня в 11 часов. Он не любит, когда заходят экспромтом: надо заранее записываться. Вроде бы бюрократизм. Но в точно назначенное время секретарь приёмной открыла передо мной дверь кабинета С.В. и предложила войти. С.В. уже шёл не спеша по небольшому, со стандартной, недорогой жёлтой мебелью кабинету. Пригласил меня сесть у столика, придвинутого к столу, за который он сел сам. Он начал беседу, изредка поглядывая на блокнот, лежащий на столе. По всему видно, что к беседе С.В. готовился основательно. По существу, это был инструктаж начинающего посла многоопытным. В итоге в моём блокноте появился подробный, в деталях план моих действий по прибытии в Аден. Вопросов С.В. мне не задавал. Беседа продолжалась около 40 минут, и я сразу же выехал в МИД.

Первый визит – к начальнику УБВСА В.П. Полякову. Рассказал ему о беседе с Червоненко.

В.П. отметил, что это облегчает его задачу по организации ввода в должность нового посла, его инструктаж. Нескольких советов В.П. всё же дал, после чего мы обсудили план пребывания делегации Капитонова в Адене, необходимые справки для неё.

Следующий визит – в ГУКУЗ. Подробно ознакомился с персоналом посольства по личным делам, по беседам с кадровиками. Посмотрел план замены персонала. Определённое время ушло на оформление личных документов: диппаспорта, удостоверения личности, расчёт-аттестата и др. Уже есть Указ Президиума ВС СССР о присвоении мне звания Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР...

17 июля, четверг, первый день в Адене

После полуночи вылетел из Шереметьево. Позади двухдневное хождение по московским кабинетам, множество встреч, бесед, работы с документами, поспешные домашние сборы. Какое-то волнение, усталость у меня ещё были, пока шло оформление в аэропорту. Но вот, удобно устроившись в кресле первого класса Ил-62 и ожидая взлёта, стал дремать. Волнения – как не бывало! Может быть, потому что я уже несколько раз летал по аденскому маршруту? А может быть, потому что в голове только размышления о первых днях работы в Адене? В полёте, как всегда, со сном у меня не получилось. Достал блокноты и стал отрабатывать детали работы в ближайшие дни.

Самолёт приземлился в Адене около 9 утра и вырулил к новому аэровокзалу. Выйдя из прохладного салона на трап, сразу же окунулся в волны горячего и влажного воздуха.

Церемония встречи на горячем бетоне — строго по протоколу. Первым подошёл временный поверенный, советник-посланник Г. В. Ильичёв. Он представил мне зав. протоколом и зав. от-делом соцстран МИД НДРЙ, послов Болгарии, ГДР и других, дружественных нам стран. Далее шеренга наших сотрудников — торгпред, военный атташе, главный военный советник, дипло-маты посольства.

Внимательно выслушал приветствие сотрудника МИД НДРЙ. Он всё сказал правильно, но почему-то не упомянул то, что я уже был в Йемене и во всех провинциях, кроме одной. По-хоже, что для нынешних здешних мидовцев я — «кот в мешке»... Не спеша попрощался со встре-чающимися, сел в прохладный БМВ. Через пять минут я уже был в посольстве.

Первый взгляд на здания, территорию. Картина удручающая. Настроение падает до самой низкой отметки: чем же мне предстоит заниматься — дипломатической работой или восстано-влением и реконструкцией посольства? Здесь несколько зданий с облупившимися пыльными стенами, торчащими из стен ржавыми, гремящими кондиционерами. Середина посольского двора занята пятью жилыми вагончиками, взятыми у геологов. Между ними и дальше — кучи всякого хлама, мусора. Кругом беспорядочная поросль небольших неряшливых деревьев и ку-старников. У забора шесть старых автомобилей, превратившихся в ржавый металлолом. Ужас-ный запах от неисправной насосной станции районной канализации, невысокая круглая башня которой располагается в середине посольского двора. Стена офиса наполовину разрушена танковыми снарядами. Стена трёхэтажной резиденции посла тоже сильно повреждена снаря-дами и пулемётным огнём. Всё это надо срочно восстанавливать.

Распорядок на сегодня и ближайшие дни есть, но его надо уточнить. Кроме жёстких правил протокола по вхождению посла в должность, надо мной нависает визит большой делегации, которая послезавтра прибывает в Аден. До этого я должен успеть нанести визиты шефу прото-кола МИД НДРЙ, министру иностранных дел, секретарю ЦК правящей партии и, наконец, пре-зиденту страны для вручения верительных грамот. И всё это за сутки?!

Сотрудники посольства сегодня с утра, сразу же после моего прилёта, отправились в МИД, в ЦК ЙСП, чтобы договориться о графике моих встреч. Уже к полудню мне сообщили, что в МИД и в ЦК идут нам навстречу, но время визитов пока назвать не могут.

Пригласил на завтрак в час дня советника-посланника и других старших дипломатов — семь человек. Они рассказали об обстановке на сегодня — каждый по своему направлению. В целом обстановка неопасная, не требует каких-то неотложных мер. Йеменцы заняты восстановлением разрушенного во время войны. Возвращаются советские специалисты, бежавшие из страны. Трудновато идёт восстановление советских посёлков, оборудования, разрушенных и разгра-бленных в ходе боёв.

После завтрака — первая отдельная беседа с Ильичёвым. Ему выпало работать в труд-ное время. После смены в НДРЙ власти нарушились межгосударственные и иные отно-шения. От неё отвернулись почти все арабские и многие соцстраны. Чтобы уточнить под-линное политическое лицо нынешнего руководства Южного Йемена, и направлена сюда большая делегация.

Г. В. не скрывал своей усталости от пережитого в последние месяцы, своего серьёзного нервного напряжения. А у меня было много к нему вопросов — по политической, военно-по-литической обстановке в стране, о состоянии её руководителей, о йеменской эмиграции, о ра-боте коллектива посольства и других совзагранколлективов (СЗК). Разумеется, всё это мне надо бы знать с учётом развития событий хотя бы на ближайшие дни.

Изложил свой план вхождения в должность с учётом советов Червоненко. Ильичёв толково ответил на все мои вопросы и согласился с моим планом. Его план почти полностью совпал с моим, который я составил ещё в Москве. Нужные ноты, письма подготовлены и почти все доставлены по назначению.

В 6 вечера состоялась моя первая встреча с коллективом посольства. В зале собрались не только сотрудники, но и их жёны. Ещё во время долгого полёта из Москвы я набросал тезисы к этому собранию. Прежде всего отметил мужество и профессионализм всего коллектива по-сольства, выдержку членов семей во время жестоких боёв в начале года. Этот опыт нам пред-стоит изучить до конца и учитывать в дальнейшей работе.

Прежде чем изложить свои взгляды на предстоящую работу, коротко ознакомил собрание со своей биографией. Что касается планов работы, то в их составлении будут участвовать все сотрудники. Коротко рассказал об обстановке в нашей стране, ходе перестройки, её удачах и неудачах. С большой горечью говорил о запущенности посольского хозяйства. Немедленно будет составлен план реконструкции, и он будет выполняться независимо от трудностей дипработы. И нам не обойтись без регулярных субботников.

Вечером продолжил работу с документами к приезду делегации, просмотрел местные и советские газеты. И... отоспался.

18 июля, пятница — выходной, второй день в Адене

Распорядок работы посольства приспособлен к местным условиям. Он мало похож на тот, что есть в Союзе и в европейских странах: работа с 8 утра до 2 дня, выходной — пятница. Но фактически после 5 часов пополудни работа продолжается. А у консулов — круглые сутки и без выходных...

В этот «выходной» все сотрудники на работе. Кое-кто из них успел с утра пораньше искупаться в море. Мне тоже хотелось бы с ними отдохнуть, расслабиться. Ведь месяцы проходят без выходных и праздников... Вот и сегодня день расписан по часам и минутам. Посмотрел досье, подготовленное Ильичёвым для делегации. Провели инструктаж с сотрудниками, которых закрепляем за членами делегации и которые будут иметь индивидуальные встречи с йеменцами. Вместе с Г.В. составили план проведения в посольстве приёма йеменских руководителей от имени делегации и посла.

Пригласил на беседу экономсоветника Б. Н. Кадырова — представителя ГКЭС СССР в НДРЙ. Б.Н. рассказал о ходе выполнения советско-йеменских контрактов. В провинции Шабва советские геологи на днях впервые получили промышленный приток нефти. Но публично объявлять об этом рано: надо бурить ещё несколько скважин. Геология здесь такова, что много нефти не будет. А йеменцы мечтают о большой нефти — как в Кувейте. Трудное положение в рыболовной отрасли — одной из основ экономики страны. Более чем тысячекилометровый береговой шельф позволяет добывать до 200 тысяч тонн морепродуктов в год. А добывается около 90 тысяч, из которых половина идёт в Советский Союз. В рыболовной компании 10 траулеров класса РТМ. Обслуживает их минрыбхоз СССР, но неохотно. В итоге у госкомпании почти нет прибыли. Есть ещё несколько проблем, по которым йеменцы могут поставить вопросы перед делегацией.

Следующая беседа — с советником при ЦК ЙСП Л. Д. Шишовым. У него сегодня были долгие разговоры с генсеком ЦК ЙСП А.С. аль-Бейдом и его заместителем С. С. Мухаммедом. Они проявили особый интерес к вопросам, с которыми едет делегация Капитонова. Шишов назвал лишь общую цель делегации. Он передал моё пожелание — сократить в йеменском плане число посещаемых делегацией мест в связи с очень жаркими днями. Но йеменцы ушли от прямого ответа. Аль-Бейд сказал, что вносить поправки в план, при необходимости, поручено зам. генсека. Шишов передал мне список участников переговоров с йеменской стороны. Далее шёл разговор об оголтелой антийеменской пропаганде, которая идёт из Лондона, Монте-Карло и арабских стран.

Завершая беседу, зам. генсека сказал: «В переговорах с советской делегацией нам нужны конкретность, результаты. Мы готовы открыться полностью». Аль-Бейд добавил, что члены делегации смогут поговорить с каждым членом Политбюро отдельно. По итогам бесед наших советников сразу же отправил в Центр информацию для ориентировки делегации.

19 июля, суббота, третий день в Адене

С утра стал действовать жёсткий график протокола. Это в моих интересах, и настроение у меня хорошее.

В министерстве иностранных дел вовремя состоялись намеченные встречи — в протокольном отделе, в отделе соцстран. Далее — визит к министру. Готовясь к этой встрече, я старался узнать о нём как можно больше. Ильичёв и другие наши дипломаты очень хорошо отзывались о докторе ад-Дали. Таким же было и моё первое впечатление от встречи с этим человеком. К концу беседы казалось, что я давно с ним знаком. Врач по образованию, он своими мягки-

ми манерами, тонким умом, быстрой реакцией на действия собеседника, уважительным отношением к окружающим как-то сразу располагает к себе. Наша первая встреча была недолгой и ограничилась хотя и дружественным, но достаточно официальным разговором.

В 11 часов меня принял президент. Впрочем, по конституции он – председатель Президиума Верховного Народного Совета (ВНС). Здесь не президентская форма правления, и круг обязанностей, полномочий председателя намного меньше, чем у президентов других стран. Но Хейдар аль-Аттас входит в состав Политбюро ЦК ЙСП – политического органа, который определяет внутреннюю и внешнюю политику страны. Это придаёт аль-Аттасу гораздо больший вес. По словам наших дипломатов, аль-Аттас, происходящий из древнего рода богатых и влиятельных людей провинции Хадрамаут, выделяется из окружающих его руководителей страны как осторожный политик, обладающий большой выдержкой, талантом в оценке обстановки, путей её развития.

В НДРЙ при проведении официальных мероприятий, так же строго соблюдается дипломатический протокол, как и в европейских странах. Впрочем, так и должно быть. Церемония вручения верительных грамот состоялась, но особого волнения при этом я не испытал, даже передавая добрые пожелания от Горбачёва. Наверное, потому, что меня больше заботила предстоящая беседа с аль-Аттасом. И эта беседа оказалась именно такой, как я и ожидал, исходя из оценок наших дипломатов.

Аль-Аттас рассказал немного о своей республике, об обстановке в стране после январских событий, о сегодняшнем международном положении НДРЙ. И сразу же задал мне несколько вопросов в части советско-йеменских отношений в связи с приездом нашей делегации. Мне пришлось уклониться от такого разговора, сославшись на то, что я не успел ознакомиться с нашими делами в НДРЙ. Аль-Аттас понял меня и стал расспрашивать о жизни в Советском Союзе и в Туркменистане. Я ответил на все его вопросы.

По возвращении в посольство допустил оплошность. Согласно дипломатическим традициям после вручения верительных грамот надо пригласить шефа протокола и командира почётного эскорта мотоциклистов на бокал шампанского или чашку чая. По пути в посольство я размышлял о том, как буду встречать в ближайшие часы нашу делегацию и забыл про «бокал шампанского». И вспомнил об этом, когда, поднимаясь по лестнице офиса, услышал треск отъезжающих мотоциклов... Пришлось высказать упреки своим сотрудникам, которые должны были вести протокол. Придётся найти удобную форму извинения и передать обиженным подарки.

И ещё: впредь все протокольные дела контролировать самому. Для престижа не только моего, но и посольства.

В этот же день, как и положено, направил послам местного дипкорпуса личные ноты о вручении мною верительных грамот.

В 8 вечера прибыла спецрейсом Ил-62 делегация во главе с И.В. Капитоновым. С И.В. я знаком хорошо по совместной работе более 20 лет. Знаком и с другими членами делегации и сопровождающими их лицами. С Ю.М. Воронцовым познакомился два года назад в Париже, где Ю.М. был тогда послом. С К.Н. Брутенцем знаком дольше, поскольку при неоднократных моих зарубежных поездках должен был встречаться для обсуждения задач и итогов визитов за рубеж.

Среди сопровождающих были и довольно близкие мне по работе, да и по знакомству семьей, люди. Например, М.В. Малюковский. Или помощник Капитонова В.Г. Замарянов, с которым мы работали в Орготделе ЦК КПСС, а потом сотрудничали, когда В.Г. был советником в Афганистане. Всё это, конечно, намного облегчает мою задачу по созданию условий для работы делегации.

Как и положено, сразу же доложил обстановку, сообщил, что верительные грамоты несколько часов тому назад вручены. Заметил, что только Воронцов вздохнул облегчённо... В целом обстановка для визита делегации благоприятна. Уровень встречающих со стороны йеменцев вполне соответствовал уровню делегации. Сама встреча была достаточно тёплой. Впрочем, это объяснимо: положение республики архитяжкое в экономике, в международных отношениях. Делегация в аэропорту не задержалась. Кортёж машин в сопровождении мотоциклистов на большой скорости проследовал через весь город в отведённую делегации резиденцию в Бурейке.

В самолёте остался авиаконтейнер с продуктами из Москвы для проведения делегацией приёма в честь йеменских руководителей. Это обычная советская практика экономии инвалюты. Капитонов распорядился передать контейнер в распоряжение посольства, несмотря на энергичные протесты его сотрудника, ведающего хозобеспечением делегации.

Проводив делегацию до Бурейки, возвратился в посольство и ещё пару часов вместе с Ильичёвым подводил итоги дня и планировал работу на ближайший период.

20 июля, воскресенье, четвёртый день в Адене

Рано утром выехал в Бурейку, чтобы сопроводить делегацию в посольство. До Бурейки около получаса езды, так что совещание в моём кабинете началось только в половине десятого.

Обсудили план работы делегации, предложенный йеменцами и предварительно согласованный нашим посольством. И снова возник вопрос о перегрузке посещениями памятных мест. Завязался диспут. И.В. сидел молча, но когда спор стал нарастать, он, в своей обычной манере, спокойно сказал, что с йеменцами, а тем более между собой, спорить не надо. План перенапряжён, и при его исполнении сами по себе отпадут некоторые объекты. На том и порешили.

Обсудили оценки событий января этого года, последующего развития обстановки в республике, позицию нового руководства. И, конечно, отношение йеменцев к Советскому Союзу, перспективы советско-йеменского сотрудничества. После января прошло слишком мало времени, чтобы декларации заверения новых руководителей республики подтвердились делами.

Следующий вопрос: каковы наши цели здесь? Прежде всего – обеспечение мира и благополучия для самих йеменцев. Только при этом условии здесь сохранятся авторитет и позиции нашей страны.

Закончив совещание, мы выехали по маршруту согласно программе делегации. Первая остановка – кладбище, где захоронены люди, погибшие в январе. Никто точно не знает, сколько было погибших. По одним оценкам – около 5 тысяч, по другим – более 7 тысяч... Тысячи без вести пропавших. Ещё больше раненых, искалеченных людей. В ходе боёв применялись все виды оружия армии, авиации, флота, вплоть до ракет средней дальности. Среди пропавших без вести – вождь йеменцев Абдель Фаттах Исмаил. Десять лет назад мне довелось с ним долго беседовать, сидя в глубоком кресле и опираясь спиной на автомат АК, висящий на стене небольшого кабинета.

Делегация возложила венки на могилы победителей, провозглашённых здесь «павшими героями», портреты которых развешены повсюду. По иронии судьбы у нас было немало друзей, даже выпускников советских учебных заведений, которые оказались в когорте побеждённых – сторонники преступника Али Насера. Живые и мёртвые... Как случилось, что наши друзья оказались по разную сторону баррикад? Конечно, мне давали ответ на этот вопрос. Но надо многое ещё уточнить, много противоречивых данных.

Несмотря на жестокую жару, пока никто из состава делегации не просил перерыва, изнемогая под огненными стрелами почти полуденного солнца. Даже стоя на кладбище с непокрытыми головами... За многие годы работы в Средней Азии, особенно в Туркменистане – пустыне Каракумы, я привык к жаре. В пустыне жара бывает до 40 и более градусов в тени. А когда едешь в машине без кондиционера, то внутри – до 70. Но открывать окно нельзя – встречный ветер обжигает лицо!

Следующим объектом нашей программы было здание ЦК ЙСП, подвергнувшееся в январе внезапному нападению подручных тогдашнего генсека ЦК ЙСП А. Н. Мухаммеда. Это – небольшое ветхое трёхэтажное здание на окраине Адена, едва видное с шоссе за густыми кронами деревьев. Десять лет тому назад я уже был в этом здании. Внешне здесь мало что изменилось.

А внутри здания теперь почти всё оказалось разрушенным. Здесь просто не спешат убирать, чтобы побольше людей увидели деяния путчистов во главе с Али Насером. Но в городе уже многое восстановлено, почти все дороги расчищены от завалов, убираются разбитые здания, кое-где взрывают их остатки, ведётся косметический ремонт. Хотя в ближайшее время

вряд ли удастся устранить все следы от снарядов и пуль, которыми испещрены здания, заборы, убрать кучи обломков и мусора, накопившегося во дворах, на улицах и площадях.

Почти молча прошли мы по всему зданию, поднялись на второй этаж, зашли в главную комнату – зал заседаний Политбюро ЦК. Комната небольшая – метров 12 в длину. В середине – длинный стол, покрытый зелёным сукном, на нём и на полу большие пятна и полосы засохшей крови. Это кровь убитого министра обороны и раненых членов Политбюро, в т. ч. нынешнего генсека аль-Бейда. Что здесь произошло? Нам рассказывают те, кто был в тот трагический день и час в этом зале и рядом с ним.

Это был день планового заседания Политбюро. Как обычно, его члены за несколько минут до начала заседания уже сидели на своих местах за длинным столом и ждали генсека, который ночевал в своём доме в соседней провинции Абьян. За несколько минут до его прихода девушка из приёмной обычно приносила термос с чаем и ставила его на стол рядом с местом генсека. Но на этот раз с термосом в руке появился личный охранник генсека. Он не спеша поставил на стол термос, потом вдруг вскинул небольшой автомат «Скорпион», который висел у него под правой рукой, и короткой очередью расстрелял министра обороны Али Антара, сидящего рядом, затем перенёс огонь на других членов Политбюро. Но все они – участники боёв с английскими колонизаторами, имеющие и другой боевой опыт, у каждого – пистолет. Мгновение – и охранник был убит. Дверь из приёмной открылась, появился второй охранник с автоматом. Но он тут же был убит членами Политбюро, не успев сделать ни одного выстрела.

В это время другие подручные Али Насера шли по коридорам ЦК и, открывая двери кабинетов, расстреливали их обитателей. Оставшихся в живых согнали в подвальное помещение. Среди них оказался и наш партсоветник Шишов с переводчиком. А члены Политбюро сразу же занялись обороной ЦК и столицы. Взвод охраны ЦК вступил в бой с алинасеровцами, частям гарнизона был отдан начальником генштаба Х. Тагером приказ о защите ключевых объектов города. Телефонная связь работала нормально.

Члены Политбюро перешли в комнату отдыха, окна которой выходили во двор. Там получили автоматы от охранников ЦК, при помощи верёвок, изготовленных из занавесей. Охранники Али Насера были разгромлены. Узнав о неудаче своего первого удара, он отдал приказ армии и флоту атаковать здание ЦК и некоторые другие объекты. Этому указанию поддались некоторые воинские части. А военно-морским флотом командовал брат Али Насера, и он сразу же начал ракетно-артиллерийский обстрел города...

Началась гражданская война, в которую были втянуты и соседние с Аденом провинции. Али Насер объявил через прессу, что в здании ЦК находятся изменники родины, поднявшие мятеж. С обеих сторон шли призывы по радио к своим сторонникам, просьбы о помощи. И они находили отклики.

Кроме зала Политбюро, мы осмотрели ещё несколько комнат, в т. ч. и кабинет генсека, где десять лет тому назад я встречался с йеменским лидером А. Ф. Исмаилом, пропавшим без вести в январе этого года. А тогда мы долго вели беседу в кабинете генсека. Читая сейчас запись этой беседы, я вспоминаю взгляд красивых чёрных глаз Абдель Фаттахы, его чёткие, взвешенные определения обстановки в стране и за её пределами. Между прочим, переводил и вёл беседу тогда М. В. Малюковский, прибывший теперь в Аден с делегацией Капитонова. Но это тоже тема для отдельного рассказа. Отмечу только, что тогдашние прогнозы Исмаила подтвердились. Например, по Сомали, по действиям американцев в этом регионе.

В то время лидер Сомали Сиад Барре считался очень близким к Советскому Союзу. Мне довелось слушать его речь на съезде КПСС: ну прямо коммунист! А Исмаил сказал, что недавно Сиад Барре заключил тайную сделку с американцами. За 200 млн долларов скоро предоставит американцам порт Бербера, построенный советскими специалистами, и порвёт дружбу с Советским Союзом.

Обход делегацией здания и территории ЦК пришлось ускорить, чтобы успеть до начала переговоров побывать в доме-музее А. Ф. Исмаила. Тяжкая картина открылась перед нами, когда наши машины, преодолев серпантин крутой дороги к вершине горы, остановились перед двухэтажным зданием. Оба этажа пробиты многими попаданиями снарядов, пуль, осколков, поражены сильным пожаром. В комнатах – большие кучи золы и пепла от уникальной библиотеки

Исмаила. Это был незаурядный, высокообразованный теоретик и главный вождь революции в двух Йеменах. Исчез он в январе при странных обстоятельствах. Выехал от здания ЦК на бронетранспортере и... исчез.

В 5 часов начались переговоры нашей делегации с йеменскими руководителями. Встречу открыл аль-Бейд. Сказал, что с членами делегации у него уже были неоднократные встречи, от которых осталось убеждение в том, что советские товарищи искренне и практически помогают ЙСП, НДРЙ. После приветствий аль-Бейд предоставил слово гостям.

Капитонов передал устное приветствие и добрые пожелания лично аль-Бейду от Горбачёва и других советских руководителей, изложил содержание письма Горбачёва членам ЦК ЙСП и передал это письмо аль-Бейду. Если бы в Москве мне сказали о намерении направить такое письмо, то я постарался бы остановить эту акцию. Она слишком прозрачно говорит о недоверии высших советских руководителей к нынешним первым лицам НДРЙ и даже унижает их в угоду преступнику Али Насеру. Эта акция не только нанесла вред делу, но и создала проблему для меня, начинающего посла. Сколько мне теперь понадобится времени, чтобы исправить эту глупость?

Капитонов стал кратко говорить о перестройке с учётом того, что аль-Бейд был на съезде КПСС и лечился в Москве после тяжёлого январского ранения.

Что касается международных вопросов, то Капитонов хотел бы поговорить после высказывания аль-Бейда. Но аль-Бейд тут же выразил готовность выслушать Капитонова по международным и другим вопросам. Пришлось Капитонову продолжить выступление.

Он одобрительно высказался о работе ЙСП после января, о мерах по преодолению последствий гражданской войны, особенно в связи с амнистией, восстановлению партии, народного хозяйства, отношений с арабскими и другими странами. Важность решения экономических задач очевидна. Они рассмотрены при недавнем визите премьера Наомана в Москву, поэтому сегодня достаточно кратких оценок. Понятно, что без помощи НДРЙ не обойтись. Такую помощь Советский Союз оказывал и будет оказывать. Говоря о проблемах экономики, нельзя уйти от вопроса использования местных возможностей. Надо только сосредоточить на них внимание во всех секторах экономики.

Потом Капитонов подробно говорил о работе с кадрами, с эмигрантами. Говоря об идее объединения двух Йеменов, Капитонов сказал, что в нынешней обстановке ставить вопрос об объединении на прогрессивной основе – нереально.

Далее он спросил у собеседников: нет ли пожеланий к беседам с А. Салехом и Х. Менгисту в связи с визитом делегации в Северный Йемен и в Эфиопию? Надо посоветоваться о месте пребывания Али Насера. Мы отвергаем все его попытки встретиться с советскими руководителями или другими официальными лицами.

Аль-Бейд слушал Капитонова внимательно, не перебивая и внешне не показывая какого-либо волнения, хотя было сказано немало неприятного для йеменцев. Сидя за столом переговоров, я подумал о том, что придётся очень внимательно изучать характер местных деятелей, чтобы в ходе будущих бесед и переговоров достоверно оценивать их реакцию на то, что им говорится. Здесь ведь Восток!

Первая официальная беседа оказалась долгой, хотя высказалась только одна сторона. Аль-Бейд заверил нас, что готов обсудить все вопросы, которые представляют взаимный интерес. Но сегодня уже нет времени для продолжения беседы, поскольку всех приглашают на обед. Наша делегация согласилась, хотя можно было бы поработать ещё с полчаса. Но мы поняли, что аль-Бейду надо какое-то время, чтобы осмыслить сказанное советской делегацией и внести возможные коррективы в заранее подготовленные тезисы.

Официальный обед в гостевом доме на Маашеке прошёл непринуждённо, в доброй йеменской традиции. Свообразные йеменские блюда, в основном из морепродуктов, пришлись по вкусу всем гостям. Обед продолжался больше часа, и я вернулся в посольство только к 10 вечера.

Вместе с Ильичёвым подвёл итоги дня и дал необходимые распоряжения на завтра. Г.В. информировал меня об обстановке в стране, вокруг неё, об интересных сообщениях мировой прессы, о реакции аденского дипкорпуса на приезд советской делегации. Выслушал советы

Г.В. по ведению второго тура переговоров. Обсудили и накопившиеся в посольстве хозяйственные вопросы. Договорились, что Г.В. пока сам будет распоряжаться посольскими делами.

21 июля, понедельник, пятый день в Адене

Утром отправился в резиденцию делегации. Там, за чашкой кофе, довольно долго беседовал с Капитоновым. Он спросил о моих впечатлениях по первому дню переговоров. Я высказал своё мнение о письме от ЦК КПСС, не смягчая выражений.

Далее говорил с учётом оценок Ильичёва. Общая направленность нашей политики на создание здесь стабильной обстановки – это и моя позиция. Но мне очень не нравится то, что в некоторых наших тезисах содержится нажим. Он здесь не нужен, поскольку нет противостояния. Но йеменцы наверняка насторожатся, обидятся. Причина – не в высокомерии. Наши друзья в тяжелейшем положении: послевоенная разруха, экономическая и политическая блокада со стороны многих стран, в т. ч. и социалистических, подрывные действия алинасеровцев, проблемы народного хозяйства и другие беды. Поскольку переговоры продолжатся, то есть возможность исправить, смягчить наши неудачные тезисы. Мой монолог Капитонов и члены делегации слушали молча, в спор не вступали, но и одобрения я не заметил... Нас поджимало время.

В 10 часов начался второй тур переговоров. Он продолжался более трёх часов с небольшим перерывом. И всё это время мы слушали обстоятельное выступление аль-Бейда.

Он перечислил дела руководства НДРЙ по консолидации общества через восстановление активности партийных, общественных организаций. Сейчас в них идут перевыборы. Во всей работе – стремление сохранять демократический централизм. По деловому прошли съезды Комитетов народной обороны, молодёжной организации. Идёт подготовка к выборам народных Советов.

Говорил аль-Бейд и о стиле работы Али Насера, который привёл республику к трагедии. «Новые заговоры мы не допустим». Крупных разногласий между членами Политбюро нет. Аль-Бейд рассказал о состоянии экономики, назвал её проблемы. «Мы готовы пожертвовать многим, чтобы сохранить выбранный народом путь. Но здесь успех будет зависеть от соотношения сил. Поэтому просим помочь».

Серьёзный вопрос с заключёнными. На сегодня осталось 1352. В основном – алинасеровцы, виновные в убийствах. Ранее было освобождено 3400. «Мы готовы показать миру любую тюрьму, не то что правители других арабских стран». Аль-Бейд попросил делегацию повлиять на президента Северного Йемена А. Салеха, чтобы он прекратил бесконечную враждебную деятельность вместе с Али Насером против НДРЙ. «В Эфиопии можете говорить от нашего имени всё, что найдёте нужным».

После обеда аль-Бейд продолжил выступление. Он подробно рассказал об отношениях с каждой из арабских стран и с некоторыми другими странами. Подчеркнул, что руководители НДРЙ против экспорта революции, вопреки постоянным обвинениям в таком экспорте.

Аль-Бейд снова стал говорить об Али Насере, говорил долго, и по мере углубления в эту тему он всё больше волновался, речь его стала сбивчивой, возбуждённой. Наверное, в это время в памяти аль-Бейда возникло немало кровавых картин января. Почти физическая боль от этого и от своей, ещё не до конца зажившей тяжёлой раны в живот, явно отражались на его лице... Заметив это, Капитонов выбрал момент и сказал, что когда он в своём выступлении говорил об Али Насере, то не вносил какого-то предложения, а имел в виду посоветоваться. То, что сказал аль-Бейд, действительно серьёзно. Сегодня мы не решим, но о его мнении будет подробно доложено в ЦК КПСС. «Мы исходим из того, что Али Насер должен быть удалён из общественной деятельности». Похоже, что аль-Бейд мог так же быстро успокаиваться, как и возбуждаться. И он понял, что Капитонов желает вернуться в русло делового разговора без эмоций. Наверное, поэтому он сказал, что высоко ценит комментарий Капитонова и передвинул на столе какие-то бумаги. И ещё было видно, что он устал.

Пора заканчивать встречу, определил Капитонов и взял инициативу в свои руки. «Вы, т. аль-Бейд, обстоятельно охарактеризовали обстановку в регионе, но я хотел бы вернуться к внешнеполитическим делам Советского Союза». Капитонов перечислил последние внешнеполитические акции СССР и выразил надежду, что НДРЙ их поддержит.

В конце встречи Капитонов пригласил аль-Бейда посетить Советский Союз в удобное для него время. Аль-Бейд передал нам список 45 алинасеровцев, на которых не распространяется амнистия.

Третий тур переговоров закончился около 7 вечера. После этого Воронцов, Поляков, Ильичёв и я прибыли в МИД для встречи с министром, рядом с которым было ещё семь его сотрудников.

Воронцов информировал йеменских друзей о состоянии наших отношений с США, показал механизм работы МИД СССР с госдепом. Упомянув о визите в Москву Миттерана, Воронцов сказал, что этот министр вдруг заявил, что он поддержит конференцию по ближневосточному урегулированию (по БВУ). Значит уже пять постоянных членов СБ ООН за БВУ, плюс многие другие страны. Воронцов высказал желание посоветоваться с йеменскими друзьями по подготовке и проведению этой конференции.

Далее было подробно рассказано об обстановке в Афганистане и вокруг него. Министр ад-Дали высказал общую оценку нашему двустороннему сотрудничеству по всем направлениям, поведал о работе МИД НДРЙ за период после январских событий. Тяжело идёт восстановление международных связей.

Встреча в МИД заняла около полутора часов. Проводив гостей в их резиденцию на Бурейке, я вернулся в посольство, где просмотрел накопившиеся документы, подписал несколько бумаг, дал поручения на предстоящий день, в т. ч. по личным просьбам. Замминистра Адамишин сообщил, что получено согласие Аддис-Абебы и Саны на приём делегации Капитонова. Завтра я скажу ему об этом.

22 июля, вторник

С раннего утра был вместе с делегацией на строительстве Аденской тепловой электростанции с опреснительным комплексом (ТЭС и ОК). Это в НДРЙ наиболее крупный объект, сооружаемый с советской помощью. Здесь около семисот советских специалистов и более тысячи йеменцев. В ходе январских событий все советские люди отсюда бежали, но сейчас около двухсот из них вернулись.

Рядом с ТЭС — временный посёлок советских строителей. Удивительное это зрелище. Среди жёлтой безжизненной пустыни, с кое-где торчащими кустиками колючих трав, широко раскинулся красивый, аккуратный посёлок с домиками, утопающими в зелени деревьев, кустарников, цветов. Совсем недавно многое было разграблено, разрушено. Но за два-три месяца всё было восстановлено. Таковы советские люди — русские, украинцы, узбеки... Однако стройка идёт тяжело, давно стала долгостроем. Здесь не только проваливаются контрактные сроки, но и есть опасность получить объект плохого качества, как обычно бывает при долгострое. Особенно при бесконечной замене специалистов: загранкомандировки обычно дают на два года... Вижу, что мне придётся приложить здесь свою руку, чтобы не допустить провала. Впрочем, это более знакомая мне работа, чем дипломатическая.

Следующим объектом посещения делегации были институт научного социализма им. А. Ба-азиба (ИНС). Капитонов побеседовал с руководителями и преподавателями. Большинство из них — советские. Однако, по содержанию работы и по облику помещений, ИНС совсем не похож на наши институты.

Новое здание ЦК ЙСП строится в трёхстах метрах от посольства. И если бы не январские события, то оно было бы уже заселено. Сильно пострадала правая сторона здания. Одна из ракет попала в кабинет, предназначенный для генерального секретаря, уже полностью мебелированный. Первое знакомство с ходом работ показало, что можно быстро покончить с этой стройкой и высвободить для других дел более ста наших специалистов. Поставки некоторых деталей (двери, панели и др.) взамен повреждённых задерживаются из-за чересчур холодного отношения ГДР и некоторых других стран к новому руководству НДРЙ. И здесь мне придётся поработать...

К полудню мы закончили поездки по городу и всем составом делегации прибыли в посольство. Здесь, в большом зале резиденции посла, состоялась встреча делегации с сотрудниками посольства, торгпредства и другими сотрудниками СЗК. Был непринуждённый разговор.

И.В. говорил кратко – по обстановке в Союзе, о переговорах с йеменцами, о необходимости быстрого восстановления структур НДРЙ, её экономики, укрепления советско-йеменских отношений.

В 7 вечера – встреча с журналистами главных газет НДРЙ – «Ас-Саури» и других. Острых вопросов не было.

После пресс-конференции – приём, который я устроил в резиденции посла. Главные гости – секретарь ЦК ЙСП и зам. министра иностранных дел.

Перед обедом Воронцов попросил показать ему территорию посольства. Пройдя по двору, Юлий Михайлович убедился в огромном объёме работ по благоустройству посольства. Особо он обеспокоился перекачивающей станцией канализации, с её ужасным запахом.

Уже в первый день пребывания в Адене я узнал, что для переноса станции надо менять всю сеть трубопроводов канализации района. Дешевле построить новое посольство. Но можно отремонтировать насосы, и тогда вони не будет. И я выбрал второй путь.

Зав. референтурой принёс очередные телеграммы из Центра. Среди них были и предназначенные делегации. Пришли планы пребывания делегации в Эфиопии и в ЙАР. Воронцов, читая телеграммы, сказал, что послу в Адене надо внимательно следить за тем, что происходит в соседних странах. Почти каждое событие в одной из стран так или иначе сказывается на соседней, причём зачастую в очень острой форме. «Надо обязательно выбирать время, чтобы самому побывать у соседей».

Из Центра сообщили, что в Сане программа пребывания согласована, а в Аддис-Абебе нет. А ведь уже завтра самолёт с делегацией вылетает в Эфиопию и будет там около полудня. Молчание эфиопов означает лишь одно: недовольство. Чем? Делегация это выяснит.

23 июля, среда

Рано утром проводил делегацию в аэропорту. У трапа самолёта Капитонов тепло попрощался со мной, высказав пожелание – работать уверенно. Воронцов и Поляков поддержали доброжелательный тон Капитонова. Хотя трудно понять подлинное настроение дипломатов...

Ведя разговоры с Воронцовым об ужасном состоянии посольства, я ни разу не упомянул виновных – моих предшественников. А в их числе – Поляков, ныне мой прямой начальник. И не потому, что я чего-то стеснялся, а из-за незнания причин, обстоятельств превращения посольства в авгиеву конюшню. Впрочем, бывшие послы наверняка будут ревниво следить за моими делами, поскольку я уже декларировал своё намерение провести расчистку и реконструкцию всего посольского двора, причём говорил об этом в жёсткой форме.

В аэропорту я согласовал свой план действий на ближайшее время, в т. ч. – выезд в Москву для решения множества вопросов и для стажировки, которую по правилам должен проходить новый посол. Воронцов сказал, что выезд в Москву я могу определить по своему усмотрению.

Дай бог, чтобы такой «режим наибольшего благоприятствования» со стороны моих прямых шефов сохранился на всё время моей работы здесь. Так получилось, что почти от всех людей, годами работавших со мной, я обычно получал поддержку. Впрочем, обычно я не надеюсь на протекции. Всегда готов к любым испытаниям. Этому меня научила достаточно суровая жизнь. Сами объекты моего труда – сфера производства, природа, люди. Они время от времени являют собой нечто экстремальное, аварийное, тяжкое. Это сама жизнь. Такие периоды встречаю достаточно спокойно, как и большинство других людей, вопреки истеричности, показанной во многих фильмах. В тяжких случаях лишь обостряются все чувства и мысли для срочного поиска наилучшего решения. Так было, когда я попадал под жестокую бомбёжку и пулемётный огонь в 1942 г. среди тысяч людей, отступавших на Северном Кавказе. Так было, когда в глухой сибирской тайге проваливался зимой в машине под лёд горной реки, а потом выволакивал машину, вращая заводную рукоятку по очереди с шофёром по пояс в ледяной воде, и приходил в себя, греясь у огромного костра. Так было, когда занимался восстановлением города Кум-Даг, полностью разрушенного землетрясением. Этот перечень можно было бы продолжать долго.

Провожая взглядом крутой взлёт самолёта с делегацией в ясном небе, я уже переключил свои мысли на работу в посольстве и предложил Ильичёву зайти ко мне в кабинет через несколько минут.

Сославшись на отсутствие у меня опыта, попросил Г.В. ознакомить меня с регламентом и практикой повседневной работы посольства. Сказал, что в ближайший период я не собираюсь что-либо менять. В дальнейшем, возможно, понадобятся какие-то изменения. К сожалению, у Г.В. вообще не оказалось каких-либо регламентирующих работу документов. Есть, конечно, «Красная книга» и «Зелёная книга» МИД СССР, где собраны законодательные и подзаконные акты, на основе которых действует посольство. Но по многим из этих документов нужны приказы посольств, которые должны конкретизировать общие правила к местным условиям: по распорядку работы, распределению обязанностей, делопроизводству и т. д. В общем, нужен Регламент работы посольства, которого здесь не было и до войны. Будем готовить!

Согласовал с Г.В. свои планы на ближайшие дни и по поездке в Москву. Г.В. вместе с другими сотрудниками наметил мои встречи в дипкорпусе.

Пришло время подробнее ознакомиться с посольским двором, с жизнью и бытом персонала. Мне довелось побывать более чем в двух десятках совпоселств, и я даже не мог предположить, что существует такое посольство, как в Адене.

Четверть века тому назад здесь прожил персонал британской авиабазы. Все постройки мало подходят к образу жизни наших людей. Множество больших холлов, длинных балконов, комнаты и бытовки – казарменные. В итоге – половина персонала живёт в коммуналках с ужасными ржавыми бытовками. И уже сегодня у меня сложился первоначальный план реконструкции всего посольского комплекса.

Надо ликвидировать все большие холлы, длинные балконы, создать новые стены, убрать из трёхэтажной резиденции посла кладовки завхоза, заменив их тремя отдельными квартирами. А все бытовки придётся создавать заново, на европейском уровне. Чтобы убрать со двора постоянно висящее бельё, надо строить банно-прачечный комплекс с сушильной комнатой. Там же будет бассейн с запасом пресной воды, которая станет постоянно обновляться за счёт ежедневного полива газонов и клумб. Да, нелегко нести службу в таком посольстве! Особенно тем, кто живёт в полутора десятках квартир над гаражами и в четырёх вагончиках геологов в центре двора. Рядом с ними – газы от автомобилей, смешанные с аравийским песком-пылью, с запахами раскалённого асфальта, гниющих трав и канализации от фекального насоса... А вокруг – горы хлама.

Уезжая в Союз после заграникомандировки, рабочие и другие сотрудники посольства бросают здесь чемоданы, одежду и прочее имущество, которое не вписывается в жёсткие рамки авиабагажа. Этот хлам заносится песком, что движется от ближайшего чёрного пляжа на территории посольства. Между гаражами – куча до полусотни подлежащих ремонту кондиционеров. Рядом – шесть ржавых, уже не комплектных автомобилей. По правилам МИД новые машины можно приобретать только после реализации старых. Но кто же купит такие «машины»? Теперь мне будет очень трудно избавиться от них.

Плохо и внутри квартир. Едва ли не половина мебели – самодельная, из упаковочных ящиков. В бытовках – ржавчина, протечки. Поручил технику-строителю В. С. Чуенкову срочно готовить расчёт по средствам на ремонт и реконструкцию сооружений посольства. По моим прикидкам, это будет стоить около миллиона инвалютных рублей за два-три года.

Рабочий день сегодня заполнен до отказа. После ознакомления с ходом ремонтно-восстановительных работ, изучения связанной с этим документации мне надо было ещё поработать с главным бухгалтером, чтобы ознакомиться с финансовым состоянием посольства. Это тоже немалая часть работы посла.

Сегодня заходил ко мне П. П. Данилов – временный поверенный в делах СССР в Джибути. Это тоже плохая нагрузка на посольство в Адене: обслуживать референтурой и диппочтой совпосольства в Джибути, ЙАР и Сомали. Правда, мы при этом обмениваемся своими оценками обстановки в регионе, в странах нашего пребывания.

Военный атташе полковник В. А. Наон пришёл согласовать свои действия в связи с предстоящим 15-летием армии Южного Йемена и намерением йеменцев наградить ряд наших воен-

ных советников. У нас порядок: иностранные награды принимать по согласованию с Центром. А у меня возражений нет. Тут же направили в Центр наши предложения. Задал Наону несколько вопросов по январским событиям, которые он уже детально проанализировал.

Советник Б. Л. Тер-Микаелян озабочен положением дел с электроснабжением посольства. Подземный кабель подлежит замене, как и кабель связи. Договорились о сроках и способах их замены.

Один из секретарей посольства – В. Березовский пришёл с заявлением на отъезд в связи с окончанием заграникомандировки. Замена ему намечена – А. Сыздыков, который на днях прибудет в Аден. Пишу на заявлении: «Согласен».

Ещё один заявитель – тоже секретарь А. Маслов. Но замены ему пока нет, и я в просьбе отказал, к большому огорчению заявителя... Да, не пользуется уважением у кадровых дипломатов служба в Адене. Мне уже известно, что многие из нашего посольства, в т. ч. Ильичёв, рвутся уехать из Адена. Вот в богатых, благополучных странах – это служба! А здесь – трудовая повинность, каторга...

Вечером – приём в кубинском посольстве в связи с годовщиной штурма Монкадо 26 июля. Был я в этой казарме. Теперь там прекрасный детский интернат. А сегодня, в беседах с кубинцами и их гостями, я немало узнал об обстановке в Йемене и вокруг него, кое-что и о январских событиях.

24 июля, четверг

Рабочий день начал беседой с Ильичёвым. Мы ещё мало знаем друг друга, и я понимаю настороженность Г. В. Но пока не могу воспринять его нервозность, которая придаёт ему какой-то растерянный вид. А у меня нет к нему никаких претензий. Что касается плохого состояния посольства, резкую оценку которому я выдаю время от времени, то она относится к целому поколению послов, которые были здесь временщиками. И я ни разу не упрекнул в этой связи Г. В., которого МИД держит здесь много лет. И потом, не в моём обычае перекладывать вину на своих предшественников – пустое это дело.

Хотелось, чтобы Г. В. быстрее понял и принял мой стиль работы, менять который я не намерен. Прежде всего – предельная открытость перед своими ближайшими помощниками в планировании работы, анализе проделанного и результатов. Всячески поощряю инициативу подчинённых. Они могут в трудных случаях принимать решение сами, даже по тем делам, которые полагается согласовывать с первым руководителем. Но, разумеется, при условии: сразу же сообщать об этом мне. И вообще, мои соратники должны вовремя и подробно сообщать мне о своих делах и непременно о выполнении моих поручений, которые никогда не забываю: они заносятся в мой рабочий блокнот. К чести Г. В. – он всё же усваивает мой стиль работы.

Подробно разобрали итоги прошедшего дня, уточнили план действий на ближайшие дни, дела, которые мне надо непременно выполнить до отъезда в Москву. Обсудили местную политическую обстановку. Южноыменские руководители упорно работают над восстановлением отношений с арабскими странами. Президент аль-Аттас встретился с королём Фахдом. Вместе с министром ад-Дали он совещался с саудовскими министрами экономики, иностранных дел, с помощником министра финансов. Были встречи и с йеменскими эмигрантами, живущими в Саудии. К ним обратились с призывом: помогать восстановлению экономики Южного Йемена. Среди этих эмигрантов есть немало миллионов... В общем, идёт нормальный поиск путей выхода из международной изоляции, в которую недруги загнали НДРЙ, используя политические волны от январских событий.

С этой темы я начал беседу с советником премьер-министра НДРЙ М. А. Лещевским. Но он знаком с ней лишь в общих чертах. Советник рассказал о своей работе. Он в основном занят проработкой текущих вопросов по поручениям руководства совмина. Но, наверное, главное в его работе – помогать йеменцам в поиске и использовании внутренних резервов экономики, а не погрязнуть в «текучке». Оказывается, в совмине нет даже анализа использования имеющихся производственных мощностей, ресурсов. Нужны аналитические материалы и практические предложения на их основе, поиск ресурсов для реализации предложений. Министерства ведут такую работу, но нужен единый план. Чтобы его исполнить, потребуются разные меры,

вплоть до каких-то законодательных актов. В Южном Йемене многоукладная экономика, так что надо поддерживать все её сектора – государственный, кооперативный и частный. Тем более что страна в сфере капиталистического товарооборота. И приходится соблюдать законы рыночных отношений.

Предупредил Лещевского, что примерно через месяц вернусь к работе наших советников в министерствах и в совмине, но уже более подробно по отраслям и отдельным предприятиям. Каждый советник должен будет иметь при себе личный план работы с учётом пожеланий йеменцев. Высказал озабоченность тем, что йеменские руководители, занятые сложными делами по обеспечению стабильности в стране, вокруг неё, восстановлением партии и других организаций, мало и урывками занимаются экономикой. Хотя понимают, что судьбу страны решит именно экономика.

Особые отношения Советского Союза с Демократическим Йеменом влекут за собой и не совсем обычную работу совпосла в этой стране, как, впрочем, и в других подобных странах – на Кубе, в Мозамбике, Анголе и некоторых других. Наши отношения с этими странами основаны на международных соглашениях, на основе равенства сторон. Но уже с первых дней пребывания здесь я заметил, что йеменские друзья сами нередко подталкивают наших людей к тому, чтобы отношения носили более товарищеский характер, нежели дипломатический. Дипломатам несложно придерживаться должных рамок. Но здесь тысячи технических и других наших специалистов. Большинству из них просто неведомо международное право, и ведут они дело с йеменцами, как с советскими людьми, соблюдая осторожность лишь интуитивно. Порой это просто выводит из себя сотрудников посольства. К сожалению, даже у Ильичёва сложились трудные отношения с главным руководителем специалистов СЗК экономсоветником Кадыровым, который нередко пренебрегает дипломатическими условностями, консульскими правилами, даже зная их. Как инженер, он просто не считает их значимыми. А кадровый дипломат Г.В., конечно же, не может, да и не имеет права с этим мириться. Беда ещё в том, что наши дипломаты не знают и не любят экономику. В отличие от дипломатов капстран. Мой долг: со временем поставить все на свои места. Все специалисты Кадырова должны соблюдать международные и местные правила, а всем дипломатам надо осваивать экономику, грамотные подходы к ней.

Зав. референтурой А.С. Беззубиков возвратился из отпуска. Перед отъездом из Москвы у него состоялась беседа с его прямым руководителем. Высказано немало замечаний по шифр-переписке, по диппочте. Сама референтура требует серьёзной реконструкции по помещению и по оборудованию. В трудных условиях работают и все дипломаты вплоть до посла. Неудобные кабинеты, переполненные плохими столами, шкафами, бумагами и людьми, обшарпанные, забитые хламом и пылью коридоры, холлы, переходы... Открывая дверь парадного входа в офис посольства, посетитель попадает в узкий коридор. Слева у стены между окнами примитивные, разного размера, цвета ободранные почтовые ячейки, ящики, табуретки и ещё бог знает что, заваленное мешками с почтой и без неё, россыпью газет, журналов, кусков обёрточной бумаги, обрезками шнуров... Дело в том, что почта для всего многотысячного СЗК поступает в Главпочтамт Адена, откуда её привозят в посольство консулы. А потом начинается дикая разборка: за почтой приезжают разные люди и когда заблагорассудится, оставляя после себя кучи хлама. Меня просто поразил такой бардак, но все говорят, что иначе нельзя: йеменцы могут выдавать почту из Союза только через один абонементный ящик. Предстоит и с этим разбираться, убрать безобразное гнездо. В этом же коридоре две двери, ведущие в маленькие комнатки без окон, предназначенные для переговоров с иностранцами. Внутри этих комнат то, что трудно назвать мебелью. Прикидываю, что можно здесь исправить. Придётся ломать стены, ставить новые.

Побеседовал с секретарём парткома С.В. Кудрявцевым. Во время январских событий посол Жуков назначил его начальником штаба эвакуации. По итогам он награждён орденом Красной Звезды. Я уже знаю, что инженер, кандидат наук, выпускник дипакадемии, советник посольства Кудрявцев пользуется большим авторитетом в СЗК. Кудрявцев регулярно выезжает в СЗК по всей стране и знает обстановку лучше других дипломатов. А они стараются отделить его от дипработы, хотя он должен заниматься ею как советник посольства. Но мне Кудрявцев, весь партком, профком нужны для работы с многотысячным СЗК, для получения достоверной

информации о нём, о взаимоотношениях СЗК с йеменцами по всей тысячекилометровой стране, где редко бывают дипломаты. А ещё мне нужны эти две общественные организации, их лидеры и для привлечения специалистов СЗК на субботники по приведению в порядок территории посольства, как это принято в Союзе – на добровольной, безвозмездной основе.

Так что все раздоры между дипломатами и общественниками я пресеку самым решительным образом. Тем более что все, кто живёт на территории посольства или работает там, будут на субботниках в первую очередь. Вплоть до посла. В Союзе наши люди привыкли к субботникам. Будут работать и здесь. Правда, там субботники два-три раза в год, а здесь они будут каждую неделю, а то и чаще. Если действовать по правилам, то мне надо заказывать в Москве проекты реконструкции каждого здания и сооружения двух новых, а также заявки на материалы и оборудование, которые будут реализованы только через два года. Но я буду действовать по другому – самостоятельно, «хозспособом». Через два года мы должны иметь серьёзные результаты. Опираясь на помощь Ю. М. Воронцова и других руководителей МИД СССР. Всё это я изложил Кудрявцеву и получил от него согласие.

К концу беседы с Кудрявцевым появился Шишов. В ближайшие недели предстоит сдача в эксплуатацию здания ЦК ЙСП, которое строится в качестве дара от соцстран. Руководители НДРЙ хотят наградить строителей, в т. ч. советских. Мы не возражаем, но требуется согласие Москвы. Сразу же направил свои предложения в Центр.

25 июля, пятница — выходной

Пользуясь затишьем выходного дня, засел в кабинете за многочисленные бумаги. Но уже примерно через час пошли посетители.

Пришёл Ильичёв. Для вхождения в должность мне понадобится ещё немало бесед с ним. По рассказу Г.В. и других, передо мной довольно ясно вырисовывается обстановка в посольстве во время январских событий.

Посол Жуков наши партсоветники ещё до начала событий пытались предотвратить их трагическое развитие. Все ждали очередного Пленума ЦК ЙСП, на котором большинство членов ЦК были намерены заменить генсека Али Насера. Зная об этом, Али Насер затеял мятеж. И всё же с участием Жукова удалось наладить переговоры между двумя враждующими сторонами. В совпосольстве появились по два парламентёра от враждующих сторон. Их поместили вместе в одной из комнат офиса. К этому времени на территории посольства, кроме своих сотрудников, укрывалось около трёхсот человек, причём не только советских людей, но и из дипкорпуса.

Около посольства, вдоль его стены – важное приморское шоссе, по которому шли танки Х. Тагера, нынешнего начальника Генштаба НДРЙ. А в окружающих посольство трёх-, четырёх-этажных жилых домах засели противники Тагера с гранатомётами и другим оружием, чтобы не пропустить на оперативный простор танковую бригаду. В итоге – вокруг посольства шёл жестокий бой. В одном из эпизодов этого боя два танка и джип с крупнокалиберным пулемётом в кузове заняли позицию в двух сотнях метров от посольства и открыли огонь по нему из орудий и пулемётов. Первый снаряд угодил в окно военного атташе, второй – в приёмную посла, третий – в комнату, где сидели парламентёры. К счастью, никто не пострадал. Парламентёров, оглушённых, измазанных в пыли, наши девушки вытащили в коридор и привели в порядок, хотя они долго ещё не могли избавиться от контузии. Следующий снаряд угодил в окно спальни посла. Слава богу, посол Жуков в это время уже не был в спальне и шёл по холлу. Его сильно оглушило и засыпало штукатуркой. Завхоз, который был неподалёку, прибежал и вытащил Жукова из-под обломков. Жуков остался невредим. Тем более что он – ветеран Великой Отечественной. Что это была за стрельба? Уж больно точно были выбраны цели. Мне это особенно ясно, поскольку приходилось стрелять из танка на полигоне.

Г.В. полагает, что нет смысла тратить время на расследование достаточно известного нам эпизода. При помощи парламентёров договорились о прекращении огня вокруг посольства и начали эвакуацию его обитателей. К этому времени на аденском рейде стали советские военные и транспортные корабли, а также корабли Великобритании и других стран НАТО. Корабли ВМС находились в полной боевой готовности для подавления любых

объектов, которые могли бы помешать эвакуации. Людей из нашего посольства выводили по мелководью далеко в море и там сажали в шлюпки. На флангах стояли наши морские пехотинцы по пояс в воде, обеспечивая безопасность эвакуации. Моряки доставили наших людей в Джибути, а оттуда, по воздушному мосту, – в Москву. Теперь мы должны сделать выводы из этой истории и подготовить системы жизнеобеспечения посольства на случай особого периода.

Беседа с Ильичёвым продолжалась до обеда. Кроме анализа январских событий, нам надо было поговорить о личном составе посольства, уточнить кадровые перестановки и предложения для МИД, которые я возьму с собой при поездке в ближайшие дни в Москву. Предстоит также докладывать там о ходе реализации йеменцами договорённостей во время визита делегации Капитонова в Аден.

Подвели итоги недели. В целом намеченное было выполнено, но не всё наилучшим образом. Надо немедленно разрабатывать Регламент посольства. Предложил возглавить это дело Ильичёву. До отъезда в Москву у меня остаётся три дня. Договорились с Г.В. о том, как наиболее рационально использовать эти дни.

26 июля, суббота

Продолжил разговор с Шишовым о положении дел в Йеменской соцпартии. Идёт трудный процесс её восстановления после междоусобицы. Руководители ЙСП поручили Шишову подготовку проектов ряда документов, определяющих организацию партработы.

Л.Д. рассказал об основных положениях, которые он закладывает в проекты. Когда создавалась ЙСП, я был в Йемене, знакомясь с этим процессом. Местные условия очень отличаются от советских, так что наши нынешние оргформы можно применять здесь лишь в некоторой мере, с учётом расстановки классовых, политических сил, моральных норм и т. д. Особенно мало применимы здесь «коммунистические» положения. Это дело далёкого будущего – после создания должной материальной и другой базы. И до сих пор, как и в 1976 г., я полагаю, что даже название партии «социалистическая» опережает реальное положение дел. Точнее было бы название – «демократическая». Но тогда со мной не согласились. И сегодня большинство членов партии – неграмотны.

В целом, по оценке Шишова, ЙСП трудно считать партией. Скорее это – политическая организация. Сам Шишов за последний месяц принял участие в анализе работы с кадрами в провинциях Аден, Абьян, Шабва, который проводил секретариат ЦК ЙСП. Участвовал в партучёбе с вновь назначенными руководящими партработниками. Сейчас в аппарате ЦК ЙСП приступили к подготовке «Аналитического документа», который должен дать точные оценки событиям января этого года, их последствиям, наметит пути дальнейшего развития ЙСП и НДРЙ. Обратил внимание Л.Д. и на то, что у руководителей здесь мало повседневной работы по развитию экономики. Надо деликатно поправлять эту беду.

Я задал Л.Д. несколько вопросов по январским событиям. Он ответил на все мои вопросы. Но это было лишь подтверждение того, что я уже знал. Кроме одного... Ещё до начала январских событий у Шишова возник конфликт с послом Жуковым и зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС Брутенцем. Шишов, по его словам, дал в Москву информацию, в которой упрекал Жукова и Брутенца в необоснованной поддержке А. Н. Мухаммеда, который явно пренебрегал принципами партийного руководства и быстро терял авторитет в партактиве. По своей должности Шишов подчинён не Международному отделу ЦК КПСС, а Орготделу, и туда он направил своё донесение. Но... между двумя этими отделами не сложились отношения, и донесение Шишова было отвергнуто... Не сработали тогда, как положено, и наши спецслужбы. В итоге – трагедия...

После ухода Шишова послушал доклад советника Б.Л. Тер-Микаеляна об обстановке в стране, о действиях алинасеровцев и соседнего Северного Йемена по дестабилизации обстановки в НДРЙ. Похоже, что прекратится это не скоро. А южнотиморские руководители сокращают в связи с этим свои внутренние споры. Мне в этой связи предстоит наладить координацию с совпосольством в Сане. Надеюсь, что это получится, поскольку совпосол в Сане А. И. Филёв ранее был послом в Адене.

В связи со съездом йеменских журналистов в Аден прибыл обозреватель газеты «Известия» К. Гайворонский. Он пришёл ко мне вместе с постоянным представителем АПН в Адене В. П. Перелыгиным и Г. В. Ильичёвым.

Гайворонский наметил здесь только ознакомление с работой съезда. Но я предложил изменить этот план – взять несколько тем местной жизни, с учётом того что советская пресса очень редко даёт материалы по Йемену и очень кратко. А Гайворонский весьма равнодушно выслушал моё предложение. Чужое здесь всё для него. Вот США или Франция – другое дело.

Около часа дня прибыл в ЦК ЙСП по приглашению С. С. Мухаммеда вместе с Ильичёвым и Сыздыковым. Беседа – 20 минут.

С. С. подтвердил высокую оценку переговорам с советской делегацией и желание неуклонно и быстро проводить в жизнь договорённости. Довольно жёстко сказал, что надо бы улучшить качество всей нашей работы. Но это было только вступление в разговор... С. С. пригласил меня, чтобы узнать о ходе и итогах переговоров Капитонова в Эфиопии и в ЙАР. Но я ещё не получил такую информацию. Москва сможет дать её мне только после доклада Капитонова в Политбюро и оценки там итогов визитов. ЦК ЙСП будет сразу же проинформирован, как только я получу сообщение из Москвы.

Завершая беседу, зам. генсека упомянул визит аль-Аттаса в Саудовскую Аравию, но ограничился лишь общей оценкой. Сказал, что аль-Атас сам подробно проинформирует совпосла. Сообщил С. С., что 29 июля я должен лететь в Москву, чтобы исполнить дела, которые не успел завершить в связи со срочным вылетом в Аден.

По возвращении в посольство сообщил в Центр о беседе с зам. генсека.

27 июля, воскресенье

Сегодня «читка». Обзор событий первым начал молодой дипломат Чахунашвили.

Опубликованы показания видных алиасеровцев – бывшего замминистра госбезопасности и других. Они признают, что встали на преступный путь гражданской войны, которая принесла неисчислимые беды йеменскому народу.

Генсек аль-Бейд посетил министерство финансов, национальный банк и таможенное управление. Лейтмотив бесед – развитие производства товаров на экспорт.

Секретарь посольства Березовский провёл обзор международных событий и внешней политики НДРЙ. Аль-Атас провёл телефонный разговор с президентом Сирии. Он связан с опасным для арабов визитом Ш. Переса в Марокко. Есть сообщения о визите аль-Аттаса в Саудию и посещении там священной Медины.

Сыздыков отметил ехидную статью в газете «14 октября». В ней говорится, что после посещения госхоза «Тария» комиссией минсельхоза с участием специалиста прошло время, а проблемы остаются. Поручил Кадырову выяснить – в чём тут дело.

Ильичёв коротко и толково дополнил информаторов. Сообщая о визите делегации Капитонова в Сану, газеты пишут, что после 1984 г., когда был заключён договор между СССР и ЙАР, отношения между ними существенно улучшились. А в этом договоре, в отличие от договора с НДРЙ, нет военных статей.

В советских газетах – краткие сообщения о визитах Капитонова. В местной газете поместила статью корреспондента «Известий» Гайворонского.

Завершая «читку», дал краткую оценку положения дел на сегодня в Йеменах, обозначил пределы, которых должны придерживаться дипломаты и руководители СЗК (присутствуют на «читке») в беседах с йеменцами и другими иностранцами. Основное – оптимистический подход, убеждение в том, что нынешнее руководство НДРЙ обеспечивает стабильность в стране и её развитие.

Около 11 часов отправился вместе с Кадыровым в рыбный порт, сооружаемый по контракту с минрыбхозом СССР. Готовность порта высокая, но он не работает из-за нерешённости ряда технических вопросов. Из них наиболее трудный – преодоление мелководья у причальной линии. Причалы есть, а суда не могут к ним подойти. Техники для углубления дна ни в НДРЙ, ни в соседних странах нет. Греческая фирма «Археродрон» готова исполнить эту работу, но за сумму, сопоставимую со стоимостью всего порта. Наш минтрансстрой имеет возмож-

ность провести здесь дноуглубление за удобную цену, но этой работы в его плане нет и мин-рыбхоз не смог с ним договориться. Придётся мне самому решать проблемы порта во время пребывания в Москве, пользуясь своими многолетними связями с министерствами. Послу можно бы и не заниматься такими делами, но для йеменцев море – основа экономики, жизни... Значит, и одна из основ стабильности в стране.

По возвращении в посольство продолжил проработку обширного круга вопросов с Ильичёвым. В Москву надо прибыть максимально осведомлённым по йеменским делам.

Г.В. недоволен, как и я, практикой ГУКУЗ МИД СССР по комплектованию посольства в Адене кадрами. Здесь мало русских. Между тем местные деятели, как ни странно, больше доверяют русским, нежели своим единоверцам из среднеазиатских и кавказских республик. И дело здесь не в квалификации, а ещё и в том, что это очень чувствительные, легко ранимые во взаимоотношениях люди. Я понимаю Г. В. Трудно, когда в своём коллективе приходится постоянно «быть застёгнутым на все пуговицы» и опасаться сказать вольное слово, шутку. Что касается меня, то я половину жизни провёл в национальных и многонациональных республиках и привык к разным людям. Но мы с Ильичёвым всё же договорились, что я снова буду говорить в ГУКУЗ и отделе ЦК о том, чтобы в Аден подбирались люди наравне с другими посольствами.

После обеда – в парткоме. Это мой первый визит сюда с сугубо практической целью. Здесь я получу наиболее полную и достоверную информацию о многочисленных советских коллективах в НДРЙ, почитаю протоколы собраний, решения парткома. И я не ошибся в своих ожиданиях.

С.В. долго и подробно рассказывал о людях здешнего СЗК, их настроениях, успехах и слабостях. Мне понравилось, что Кудрявцев благожелательно отзывался о людях, больше выделял работающих, способных, талантливых людей, нежели тех, кто имеет слабинку. В целом, по его оценке, здесь сложился очень сильный состав специалистов, за исключением советников при министерствах и совмине. Договорились о постоянной координации работы парткома с работой посольства и его руководителей. Пока есть заметное отчуждение... Договорились и о том, как с неполным составом специалистов преодолеть многомесячное отставание почти всех строек от плановых сроков.

Вечером состоялся мой первый визит к премьер-министру. Он продолжался около часа. Я рассказал премьеру об обстановке в Союзе, о ходе перестройки. На примере Туркменистана показал организаторскую работу советских руководителей по развитию народного хозяйства, использованию местных возможностей и результатов своей работы. Мне было что рассказать.

По уточняющим вопросам Я. Наомана было видно, что его заинтересовала практика одной из национальных республик Союза, природные и другие условия которой весьма сходны с условиями НДРЙ. Спросил у Наомана: будет ли он согласен с тем, что я найду в Союзе подрядчика для дноуглубления с прямой оплатой в долларах, намного меньшей, чем запросила «Археродрон»? Собеседник согласен. Привёл данные по состоянию экономики республики. А я рассказал о замысле по организации восстановления народного хозяйства НДРЙ по опыту нашей страны. Попросил Наомана поддержать делом нашу инициативу. Он обещал.

По итогам встречи дал информацию в Центр.

28 июля, понедельник

Сегодня надо было завершить набросок плана работы в Москве. Потом я ещё буду план уточнять, пополнять, но сегодня надо вооружиться приложениями к плану, которые можно показать только в Адене.

Выслушал очередной доклад Тер-Микаеляна по обстановке. Пока без особых проявлений. Хотя в стране по-прежнему имеют хождение лживые, преднамеренные слухи о якобы нестабильной здесь обстановке.

К концу нашей беседы зашёл Ильичёв. К сожалению, у него хроническая неприязнь к Т.-М. Сегодня повод пустячный – разногласия по перечню работ реконструкции спецсвязи. Пред-

ложил назначить от каждой из спорящих сторон по одному специалисту и к вечеру представить мне предложения. А я приму решение.

Рассмотрели положение дел в провинциях Абыян и Шабва, которые больше других были втянуты вместе с Аденом в кровавые январские события. Стабилизация в этих провинциях идёт, но негладко, непросто. А. Н. Мухаммед по-прежнему пользуется здесь довольно широкой поддержкой. Многие пока ещё относятся к нынешнему режиму как побеждённые к победителям. Почти ежедневно на границе задерживаются сторонники Али Насера с крупными денежными суммами, с листовками, которые предназначены для размножения. Есть и реальные попытки создания подполья. В мудирии Лодер (провинция Абыян) арестовано 16 человек, у которых нашли серьёзный склад оружия.

А у местных властей неважное отношение к семьям погибших и пропавших без вести в январе сторонников Али Насера. Они получают половину той пенсии, которую получают семьи победителей. Амнистия идёт тяжело. Есть случаи ареста амнистированных людей. В итоге есть недоверие к амнистии, и часть алинасеровцев не спешит разоружаться. Таковы гримасы любой гражданской войны...

В тюрьмах немало людей, попавших туда случайно или по злонамеренному оговору. Есть случаи, когда тюремные власти даже не знают — как и за что попал к ним заключённый. Проезжая мимо тюрьмы, я каждый раз вижу у её ворот молчаливую толпу женщин, одинаково одетых в чёрные, длинные до земли платья. Одни ждут встречи с близкими, другие ищут пропавшего без вести родного человека...

Во время беседы с советниками позвонил Кудрявцев: в 10 утра во Владивостоке будет выступать Горбачёв и надо организовать прослушивание по радио. Поручил одному из младших дипломатов записать основные положения речи Горбачёва.

Послушал Маслова по обзору местной прессы, по окончании которого он снова попросил освободить его от работы в Адене. Ответил, что по приезду в Москву буду в ГУКУЗ договариваться о замене Маслова.

Тут же пришёл техник-строитель Чуенков с такой же просьбой. Ответ такой же, как и Маслову... Рассказывая о ходе ремонтно-восстановительных работ, он упомянул о плохом настроении 18 рабочих, временно командированных МИД СССР в наше посольство. Придётся встретиться с рабочими к концу дня.

В 10 часов вместе с Ильичёвым прибыл к генсеку аль-Бейду. Беседа продолжалась около часа. Мы ещё мало знаем друг друга, меньше недели. Наверное поэтому разговор шёл как-то обтекаемо, лишь слегка касаясь острых тем. Меня насторожила какая-то внутренняя грусть генсека. Возможно, его угнетает недоверие, дистанцирование советского руководства? Он даже довольно прозрачно намекнул на это... Придётся в Москве прояснять эту проблему.

С часу до трёх был у аль-Аттаса. Как ранее было обещано, он подробно рассказал о поездках в Кувейт и Саудовскую Аравию. У аль-Аттаса манера беседы чисто восточная: лицо без эмоций, лишь изредка озаряется улыбкой. Неторопливо, ровным голосом, чётко излагает свои мысли.

К концу беседы аль-Аттас дал понять, что готов вести со мной откровенные разговоры. Мне не трудно пойти навстречу.

По возвращении в посольство направил в Центр информацию о беседах с руководителями страны. Послал телеграмму и о том, что завтра вылетаю в Москву.

С 5 до 7 вечера был на заседании парткома. Это плановое заседание, которое здесь проводят два раза в месяц. Партком много делает для того, чтобы наши люди в загранкомандировке достойно несли службу. Конечно, за границу едут далеко не ангелы, а обыкновенные люди. И грешат, и нарушают, как и все другие. Но на многотысячный коллектив, не считая тысяч наших людей, пролетающих и проплывающих за год через Аден, здесь лишь полтора-два десятка случаев нарушения дисциплины, проступков, за которые надо наказывать, да и то — не в уголовном, а в административном порядке.

Неожиданно в конце заседания и явно в расчёте на моё участие возник прямо-таки яростный спор по поводу не очень удачного награждения посольских работников — организаторов